
В тени Сливы
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
Авторы сёстры Лю
18+

Сёстры Лю

В тени сливы

«Автор»
2026

Лю С.

В тени сливы / С. Лю — «Автор», 2026

История о полудемоне Е Мине, который, убив служанку Сян Мэй, проникает в дом генерала Чжао, но сталкивается с дочерью хозяина — Чжао Чэньси. Неожиданно её природа начинает поглощать его демоническую энергию. Их встреча оборачивается опасной одержимостью, сплетённой из желания, насилия и тайны: между миром поместья и зыбкой Фантазмой, где властвуют феи и чужая воля. Постепенно проступает истинная ставка происходящего. Тональность истории колеблется между кровавой притчей о пороке и чувственной визией соблазна и власти над душой, обещая масштабный конфликт между долгом, проклятием и пробуждающимся чувством.

© Лю С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 Кто ты? 7
Глава 2 Удар, который не сработал 12
Глава 3 Фантазма. Сон Чэньси 15

Сёстры Лю
В тени сливы

Пролог

Кто знает, какой ветер принёс ту беду? Сливовый цвет осыпался с ветвей. С холма повеяло молчаливым прощанием, и нежные лепестки, подхваченные ветром, затрепетали, словно облако встревоженных мотыльков. Или, быть может, это были бессмертные души, наконец сбросившие мирские оковы? Их пробуждение было столь беззвучным, что никто не заметил, как земля укрылась цветочным саваном. В один миг хрупкая красота столкнулась с увяданием и смертью.

В пепельных глазах, обращённых к Сян Мэй, не отражалось ничего, кроме безразличия. Не успела она выдохнуть, как её щеки коснулась холодная ладонь. Убийца смахнул прилипший цветок сливы. Уголки его красных губ едва заметно дрогнули.

Сян Мэй ответила на это дерзким движением: вскинула голову, глядя прямо перед собой, будто бросая вызов небесам. Её лицо отражало всю гамму чувств — от ужаса до глубокой обиды. Нетрудно было догадаться, что умирать ей вовсе не хотелось. Однако убийца обладал демонической ци. Сян Мэй ощутила, как тьма прорастает сквозь неё, медленно превращая внутренности в кровавую кашу. И всё же, несмотря на пытку, её взор не утратил ни ясности, ни чистоты.

Он застыл на месте, наблюдая за девушкой. Тишину расколол его голос — глубокий и лишённый тепла:

— Ты увидела то, что не предназначалось для смертных глаз. Теперь я обязательно должен тебя убить, чтобы не навлечь на себя бедствие. Но, знаешь, я впечатлён. Такая бездарность и смогла заглянуть мне под маску.

— Думаешь, я боюсь тебя, Е Мин?

— Знаешь моё имя? Как занятно.

— Е Мин, ты сущий демон, безжалостный убийца! В поместье генерала Чжао о твоих злодеяниях не слышал разве что глухой. Отвечай, негодяй: ты пришёл за жизнью генерала?

— Ого, какая догадливая. Не ожидал подобной сообразительности от простой служанки. Жаль только, что ты тараторишь как умалишённая.

— Может, в твоих глазах я и безродная служанка, но генерал Чжао — великий человек. Он был добр ко мне.

— Как же скучно! А я-то думал, ты интереснее. Обычная влюблённая дурочка? Ну что ж, убью тебя, прежде чем твоё сердечко будет разбито.

Лицо Сян Мэй исказилось от гнева и нестерпимой боли. Она прикусила губу, и по подбородку скатилась алая капля.

— Запомни, как меня зовут, подлец. Я — Сян Мэй. Это моё проклятие падёт на тебя. Моя смерть не станет напрасной. Ты будешь обречён пережить величайшее горе, и ничто не утешит твою боль!

— Ай-яй-яй, напугала до смерти, — Е Мин погладил подбородок и тяжело вздохнул, изображая скуку. — Лучше моли о пощаде, ничтожество.

— Никогда! Я проклинаю тебя! Тебе это с рук не сойдёт. Запомни: когда услышишь звон колокольчиков, твоё сердце…

Последнее слово так и не слетело с её губ. Воздух вышел из груди жалобным хрипом после страшного удара. Затем последовал ещё один удар. Треск ломаемых костей.

Тьма.

Сян Мэй рухнула на землю, словно разбитая глиняная фигурка. Убийца опустился на колени, заворожённо вглядываясь в её затихшее тело.

— С радостью продолжил бы нашу беседу, но, боюсь, кровавый гу уже начал терять терпение, его голод становится пугающим.

Внезапный порыв ветра поднял с земли вихрь лепестков. Уловив в воздухе тонкий аромат сливы, переплетённый с терпким запахом крови, Е Мин едва слышно цокнул языком, предвкушая удовольствие. Одним резким движением он сорвал с Сян Мэй одежду. Его взгляд скользнул по плечам и полыхнул злобой при виде обнажённой груди. Подавшись вперёд, он прильнул губами к её коже, поглощая следы остывающей крови.

А лепестки всё падали и падали. Они оседали на теле мёртвой девушки, как тихое предзнаменование. В бездонной глубине её широко раскрытых глаз вдруг забрезжил слабый огонёк. Его легко было спутать с игрой света среди цветов, однако внимательный наблюдатель мог бы заподозрить неладное. Но Е Мин, опьянённый жаждой, потерял бдительность. Порок полностью овладел им. Это было похоже на долгий, бесконечный сон. И самое страшное — он понимал, что делает.

Насытившись, Е Мин отступил от Сян Мэй. Фыркнув, он с презрением глянул на неё и процедил:

— Неужели ты всерьёз полагала, что твоё проклятие способно меня задеть? Глупая девчонка… Ты верила, что твоя гибель станет для меня карой? Как же ты заблуждалась. Сердце во мне давно мертво. Осталась только жажда кровавого гу.

Проговорив эти слова, он уставился на свою руку. Пальцы были испачканы кровью. Он оцепенел, глядя на них, а в следующее мгновение, точно оголодавший зверь, поднёс их ко рту и жадно облизнул.

В последний раз убийца обратил на неё взгляд. Тело Сян Мэй покрывали укусы, но кровь уже схватилась тонкой коркой. Под лучами бледного солнца кожа отливала синевой. Е Мин улыбнулся — ядовито, без тени сострадания — и взмахнул широким шёлковым рукавом. Цветы сливы, ставшие ей погребальным одеянием, взмыли в поднебесье. Их беззвучный танец пробудил в Е Мине ярость. Снаружи он оставался спокойным, но внутри него разыгралась буря. Не в силах сдержаться, он решил закончить начатое.

Е Мин сделал глубокий, долгий вдох. Его веки мелко задрожали. Старая личина треснула. В тот же миг его взор поглотила непроглядная тьма, а из приоткрытого рта вырвался густой клубящийся мрак.

Почему он решил стать Сян Мэй? Е Мин не знал. То ли её вкус оказался слишком ярким, то ли опавшие лепестки, подхваченные ветром, напомнили ему о чём-то давно забытом. Впрочем, это уже не имело значения.

Прибегнув к тёмному искусству, жестокий бог перевоплощений создал земляной сосуд, чтобы целиком погрузиться в него. Спустя минуту Е Мин преобразился до неузнаваемости, став точной копией Сян Мэй. Его походка обрела лёгкость и изящество.

Маленькими шагами он направился к поместью семьи Чжао.

Глава 1 Кто ты?

С протяжным скрипом отворились двери поместья, впуская в полумрак сноп солнечного света. Вслед за ним в дверном проёме показались ножки в безупречных сапожках. При ближайшем рассмотрении на одном из них можно было заметить крошечный штрих: искусно вышитую бабочку, припавшую к розовому бутону. Ножки ступали твёрдо, тесня с пути и юных служанок, и прислугу постарше. Коридор под ними расширялся, пока неожиданный поворот влево не привёл их прямиком к заброшенной кухне.

— Кис-кис... Ну же, Лэлэ, покажи свой пушистый хвост. Если ты сейчас же не выйдешь, матушка вновь разозлится! — воскликнула обладательница ножек, нетерпеливо притоптывая на месте. — Вот увидишь, она накажет меня за твои проделки. Лэлэ, ты ведь не хочешь, чтобы в сегодняшнем блюде случайно затерялся комок белой шерсти?

Девушка наклонилась и заглянула под стол.

— В конце концов, повару всё равно, из чего делать начинку для булочек, а ты у нас такая затейница...

В ответ раздалось лишь ленивое, глубокое урчание. Пара светящихся зелёных глаз немигающе блеснула из пыльного укрытия, оценивая степень угрозы.

— Ах ты, проказница! — прошептала девушка. — Что ж, придётся пустить в ход маленькую хитрость.

Она ловко вытянула из-за пояса небольшой свёрток. Развернув его, она протянула Лэлэ тонкие полоски вяленого мяса. Аромат был такой, что, казалось, мог бы соблазнить даже самого просветлённого.

— Лэлэ, посмотри, какое лакомство! Не хочешь ли отведать?

Из-под стола послышался шорох. В луче света закружилась пыль, явив миру виновницу переполоха.

Кошка высунула приплюснутую морду, осторожно обнюхала угощение и, кажется, осталась им не слишком довольна.

В ту же минуту из дальнего конца коридора донёсся крик:

— Вторая госпожа, беда!

Испугавшись чужого голоса, Лэлэ молчаливой тенью метнулась в убежище. Девушка же неторопливо выпрямилась, машинально заложив руки за спину. Она не дрогнула при слове «беда». В поместье это страшное слово издавна означало всего-навсего очередной приступ гнева у почтенной матушки. Поведение старшей госпожи неизменно озадачивало всех вокруг, и больше всего — её дочь Чэньси. Она то возносила девушку до небес в порыве любви, то тут же предавала её проклятиям.

Чэньси не оставалось ничего другого, как смириться с этим невыносимым нравом. В конце концов, она умела ублажать старших и знала, как успокоить матушку.

В Великой Тан почитание родителей возводилось в добродетель, и вторая госпожа отвечала им глубоким уважением, особенно своему отцу — генералу Чжао. Тот же, в свою очередь, души не чаял в любимой дочери. Он обожал Чэньси, поэтому она ни в чём не знала отказа. Но сколь бы отец ни оберегал дочь, он был бессилен перед её собственным сердцем. С юных лет девушка обладала нравом столь необычным, что среди слуг поместья зародились пересуды. Шептались, будто вторая госпожа водит дружбу с нечистью, а о правилах приличия и вовсе не помышляет. Да и красотой, поговаривали, природа её обделила. Если дочери знатных домов стремились подчеркнуть нежную бледность кожи, гладкость волос, мягкость поступи и изящность движений, то Чэньси об этом не тревожилась. Лицо её густо усыпали веснушки, оттеняя загар, а тонкие губы были едва заметно тронуты сухостью. С рождения она унаследовала

отцовские черты и ничем не напоминала красавицу-мать. Всё в ней было обычным, кроме глаз — цвета золотистого чая. В далёком детстве ей даже чудилось, что в их глубине растопили янтарь. Предсказатели же объясняли этот редкий оттенок избытком солнечной энергии Ян в её натуре. Солнца было так много, что от лунной энергии Инь почти ничего не осталось.

Возможно, именно поэтому Чэньси с некоторых пор снедал неизвестный недуг, медленно истощавший её силы. Как бы то ни было, она на удивление быстро смирилась с неизбежным, решив прожить отведённое время без тени сожалений.

Услышав приближающиеся шаги, Чэньси затаилась за дверью, с любопытством ожидая, когда служанка переступит порог. Подобные проказы порой доставляли ей истинное удовольствие.

Девушка, облачённая в простое одеяние, остановилась у двери и, потупив взор, произнесла:

— Старшая госпожа в гневе и приказала немедленно вас привести.

— Бу-у! — Чэньси выскочила, сияя от предвкушения. — Ха-ха, страшно было?

Служанка даже не вздрогнула. Сохраняя безупречно ровное выражение лица, она заговорила спокойным тоном:

— Госпожа ожидает вас. Прошу, следуйте за мной в её покои.

Чэньси замерла, ошеломлённая такой реакцией, но тут же, словно сбросив оцепенение, рассмеялась. Поддавшись порыву, она протянула руку и игриво щёлкнула её по лбу:

— Ух, опять ты за своё... Я уже столько раз повторяла: когда матушка сердится, не ищи меня. Или тебе хочется, чтобы меня высекли понапрасну?

На мгновение в глазах служанки промелькнуло раздражение, но она рухнула на колени, а после проговорила с благоговейным трепетом:

— Эта ничтожная раба заслуживает смерти за свою медлительность! Прошу вас, госпожа, снизойдите до прощения. Впредь я не смею оплошать.

Произнеся это, служанка принялась бить глухие поклоны. Чэньси опешила от удивления. Мало того что матушка не знает покоя из-за своего скверного характера, так теперь и её верная Мэй-эр стала вести себя весьма странно! И хотя благородное сердце девушки всколыхнулось от возмущения, она тотчас подавила в себе этот порыв. Вместо того чтобы гневаться, Чэньси опустилась рядом и мягко коснулась её головы. Сян Мэй была приставлена к ней с самого детства. Немудрено, что за столько лет она перестала быть для неё обычной прислугой.

Стараясь говорить как можно ласковее, Чэньси поспешила успокоить бедняжку:

— Не стоит, не кланяйся. Ты здесь ни при чём, правда.

Сян Мэй бросила на неё пронзительный взгляд. Осознав, что наказания не последует, она едва заметно скривила губы. Но стоило ей подняться с колен, как вторая госпожа удержала её за запястье.

— Мэй-эр, прошу, не беспокойся. Я очень ценю тебя и всё, что ты делаешь!

Заметив недоумение в глазах госпожи, прислуга мгновенно напряглась.

— Простите, если я вас огорчила, — начала Сян Мэй, виновато опустив голову. — Но старшая госпожа слишком пристрастна, и она велела мне проводить вас в её покои.

На секунду лицо Сян Мэй стало совершенно отрешённым. Однако, понимая, что её могут заподозрить в неискренности, она оживилась.

— Хотите сказать, что вы и правда на меня не сердитесь?

— О чём ты говоришь? Ты — моя названая сестрица! Эх, какая же ты порой... непутёвая.

Молодая госпожа заметила перемену в девушке и почувствовала укол в сердце. Между ними всегда была тёплая сестринская близость, но теперь слова Сян Мэй звучали холодно, словно осколки льда. От этого становилось очень неуютно. И где проходит грань, за которой человек перестаёт быть собой? Чэньси прикусила язык. Самое странное было в том, что Мэй-эр вдруг стала совершенно чужой. Это осознание резало по живому. Разум подсказывал, что

она не отвернулась от неё, а просто внезапно воздвигла стену. Но отчего же тогда на душе стало так тоскливо?

Окинув Сян Мэй внимательным взглядом, Чэньси невольно нахмурилась: вид у её названой сестрицы был пугающе болезненным. Кожа казалась почти прозрачной, а между бровей пролегла глубокая складка. Если бы Чэньси не знала её столько лет, то решила бы, что ту подвергли жестоким пыткам или, что ещё хуже, вернули с того света.

Она подумала немного и обратилась к ней:

— Как ты себя чувствуешь, Мэй-эр? Ты так бледна.

Сян Мэй закатила глаза так сильно, что, казалось, вот-вот увидит собственный череп изнутри. А Чэньси в это время снова задала свой вопрос:

— Тебе нездоровится? Ты выглядишь совершенно разбитой, да и ведёшь себя странно.

Заботливый тон второй госпожи вынудил Сян Мэй отстраниться. Однако уже в следующий миг её губы тронула услужливая улыбка:

— Покорно благодарю, но не стоит обременять себя заботами о той, чьё положение столь ничтожно...

Здесь уж Чэньси возмущённо ахнула. Девушка, стоявшая перед ней, несомненно, была Мэй-эр. Пусть её волосы растрепались, а лицо осунулось и побледнело, но это была она. Так почему она вдруг стала такой покорной?

***

Снаружи ослепительно сияло солнце, но на кухне стояли холод и полумрак. Е Мин украдкой наблюдал за второй госпожой, пытаясь уловить в её лице хотя бы тень сомнения. Неужто она распознала подмену? Нет, быть того не может. Как бы ей это удалось? Вдруг его пронзило дурное предчувствие: по тому, как потемнел её взор, он понял, что дело плохо.

Каким же глупцом надо быть, чтобы вздумать притвориться служанкой! Будучи сведущим в этикете, он и представить не мог, что между благородной госпожой и простолюдинкой может существовать столь доверительная связь. Ему следовало бы избрать иное обличье, всё-таки в образе юной девы Е Мин выглядел донельзя фальшиво.

Надо ли описывать то унизительное чувство, которое он испытал, облачившись в женское платье?

Самозванец пристально посмотрел на Чжао Чэньси, уголки его губ чуть дрогнули в лёгкой улыбке. Дочь генерала выглядела очаровательно. На её овальном, усыпанном веснушками лице сияли большие золотистые глаза. Таких глаз ему ещё никогда не доводилось видеть. Да и в целом она производила впечатление юной, неискушённой девицы. Было несложно представить, какой вкусной окажется её кровь. Е Мин невольно облизал пересохшие губы и с трудом сглотнул, подавляя внезапный приступ жажды. Возможно, именно этот хищный жест заставил Чэньси отшатнуться, а затем вскрикнуть с возмущением:

— Да что с тобой такое? Сестрица, я тебя совсем не узнаю!

Вдобавок Чэньси сделала несколько неторопливых шагов навстречу и, не отрывая глаз, дотронулась до его фальшивого лица. Она подошла так близко, что тонкий, едва уловимый аромат её кожи внезапно обжёг ему ноздри. Е Мин задрожал от желания, и всё же упрямо не сдвинулся с места. Запах Чэньси ничем не выделялся, но почему-то в этот миг ему нестерпимо захотелось проглотить её. Под маской на его лице вспыхивали и гасли противоречивые чувства, сменяясь с пугающей быстротой, пока всё не улеглось в странное, холодное спокойствие.

Разум Чэньси отказывался принимать реальность, всё плыло перед глазами, как в тумане. Внезапный испуг заставил её резко отдёрнуть руку и отступить на полшага:

— Бледная как смерть и смотришь так, будто в тебя злой дух вселился. Прекрати, ты пугаешь свою названую сестрицу...

— О чём вы, благородная госпожа? Я лишь... Слишком много всего обрушилось на мою недостойную голову! Умоляю, дайте мне время объясниться! И потом... ваша почтенная матушка ожидает вас в своих покоях. Негоже заставлять её ждать.

— Нет. Не сдвинусь с места, пока не услышу правду. Скажи, какую тайну скрывает твоё сердце? Должна же быть причина, почему ты отгородилась от меня?

— Вы ведь не считаете свою Мэй-эр самозванкой, не так ли?

— А ты как полагаешь?

— Ваше нетерпение не совсем подобает дочери генерала, — заметил Е Мин, и в его голосе прозвучали новые, жёсткие нотки. — Поверьте, иные знания могут стоить жизни.

— Ах, вот оно что! Решила меня запугать? В тебя точно вселился злой дух.

Е Мин понимал, что молодая госпожа пока не догадывается о его истинной сущности. Принимая его за свою служанку, она и представить не могла, что перед ней стоит безжалостный убийца. Однако он заметил её настороженность и счёл это опасным. Не желая рисковать, Е Мин высвободил немного ци. Лёгкая дрожь пробежала по спине девушки, и она поневоле бухнулась на колени. Чэньси не была знакома с природой демонической ци, а потому даже не поняла, что именно заставило её тело дрогнуть. Она хотела продолжить разговор, но, не успев ничего сказать, оказалась под прицелом настороженных глаз.

Между ними повисла удушливая тишина. Е Мин превосходил любого демона своей жестокостью и любого духа — своим безумием. Его руки, по локоть обагрённые кровью, стали лишь бледным отражением бесконечного списка его грехов. Он не знал жалости, не ведал привязанностей — во всей империи не было никого, кто был бы ему дорог. Никого, кроме кровавого гу. Перед этим совершенным существом Е Мин склонялся безропотно.

Вот только стоило ему уловить нежный запах, исходивший от второй госпожи, как всё внутри него перевернулось. Сколько раз он пил... Но никогда прежде это желание не было столь всепоглощающим. Чем больше убийца об этом думал, тем сильнее глаза под маской наливались кровью. Кто она такая, чтобы будить в нём подобное? Нет. Эта грязная девка жестоко поплатится!

Он мысленно приготовился нанести удар. Убить её — вот что следует сделать! Ему захотелось избавиться от её запаха и как можно скорее забыть о внезапном приступе одержимости. Вторая госпожа оказалась чересчур невыносимой, близость к ней сулила лишь неприятности.

Вне себя от раздражения Е Мин выбросил руку вперёд, высвобождая всю свою демоническую ци. Поскольку его ци состояла преимущественно из энергии Инь, он научился мгновенно придавать ей незримую форму. Это позволяло ему не только проникать в самую суть вещей, а ещё внедряться в тела живых существ, намертво сковывая их движения. Будь то слабая дева или бравый мастер боевых искусств, исход оставался неизменным: никто не мог выдержать его смертоносную энергию.

Стоило Чэньси опереться на ногу, чтобы подняться, как та предательски подломилась. Мир качнулся, теряя очертания, и в следующий миг она опрокинулась на спину.

— А-а-а!!!

Мёртвую тишину разорвал его яростный рык, похожий на львиный:

— А-а-а!!! Умри!

Лёжа на спине, Чэньси внимательно наблюдала за происходящим. Внезапно ей в голову пришла мысль, что она слишком долго не покидала поместья и перестала понимать этот мир.

— Ваше неуместное любопытство, госпожа, будет иметь последствия. Я намереваюсь обратить вашу плоть в нечто столь же хрупкое, как рисовая бумага.

Закончив говорить, Е Мин помолчал, а затем рассмеялся злобно и нечестиво. Он оглядел вторую госпожу, не сомневаясь, что это последние мгновения её жизни. Сами небожители не поверили бы, что смертный способен выстоять против всесокрушающей ци!

Но стоило Е Мину склониться над Чэньси, как её пальцы сомкнулись на его руке. Он замер, поражённый до глубины души, — она была жива! В это же время лицо Чэньси озарила ослепительная улыбка.

— Так вот какова цена моей доброты, дорогая Мэй-эр? Я считала тебя сестрой, а ты, оказывается, лишь разыгрывала спектакль? Какое жалкое лицедейство!

Девушка прижала его ладонь к своей груди, и Е Мин ощутил, как неистово бьётся её сердце. У него пересохло горло.

— Сестрица, за что ты так со мной? — прошептала Чжао Чэньси. — Мы ведь были так близки. Неужели ты не знаешь, что причиняешь мне этим боль? Я правда не понимаю, что заставило тебя пожелать мне смерти.

Е Мин долго и озадаченно смотрел на неё, не решаясь даже шелохнуться. Это лишь усилило негодование второй госпожи, и она стала возмущаться ещё громче.

— Это я, по-твоему, должна стать рисовой бумагой?! Да ты, я смотрю, совсем рассудка лишилась! Немедленно объясни, чем я заслужила такую неприязнь!

Чжао Чэньси наконец отпустила его руку и, словно посмеявшись над собой, произнесла:

— Я не стану на тебя доносить. Но взамен пообещай, что перестанешь таить на меня обиду и скажешь, чем я вызвала твой гнев. Сможешь?

Убийца едва мог дышать. Что происходит?! Его демоническая энергия... не сработала? Как? С того самого дня, как Е Мин принял силу кровавого гу, он был непобедим. Да, только вторая госпожа с лёгкостью выдержала его удар. Вся мощь демонической ци растворилась в ней, словно капля, упавшая в море, не оставив ни кругов на воде, ни даже малейшей ряби.

Кто же она такая на самом деле?

Глава 2 Удар, который не сработал

У Чэньси на языке вертелось ещё столько невысказанного… Она смотрела на Е Мина снизу вверх и кипела от обиды. Девушка выругалась про себя, подумав, что сейчас Сян Мэй у неё получит. Что за бесстыдное молчание! Могла бы хоть слово сказать в ответ.

С усилием оторвавшись от пола, она оперлась на локти и тотчас оцепенела. У неё всё заболело внутри. Её странный недуг вновь о себе напомнил. Глаза тут же широко распахнулись. Воздух перед ней задрожал, словно раскалённый, а по краям зрения расползлись чёрные пятна. Подчинившись накатившей дурноте, Чэньси уронила голову на холодные доски.

Обессиленная, она могла лишь лежать, не сводя неподвижного взгляда с Сян Мэй. Вернее, с того, кто только притворялся ею. Но Чэньси этого не знала, а потому продолжала размышлять о внезапных переменах в характере сестрицы. Как ни странно, именно эти мысли помогали ей не потеряться и не утонуть в собственных болевых ощущениях. Она всматривалась в Е Мина и всё отчётливее понимала: смысл происходящего ускользает от неё.

Над ней нависала высокая худощавая девушка с изящными чертами лица. Кожа бледного цвета, узкие чёрные глаза, длинные волосы аккуратно уложены. Одета в простое серое шёлковое платье и белые сапожки; широкий чёрный пояс обхватывал талию. Это была всё та же, до боли знакомая Сян Мэй, только лицо её выглядело болезненным. Чем дольше Чэньси думала об этом, тем труднее ей становилось смириться с происходящим; она сердилась на себя за нелепую подозрительность, а на неё — за ту отчуждённость, что росла между ними.

Чэньси снова попыталась подняться. Собственное тело не слушалось.

— Мэй-эр, — прохрипела Чэньси, тяжело дыша. — Ты так и будешь стоять?

— Госпожа… Я очень вам благодарна, — с фальшивой любезностью сказал Е Мин. — Ой, а что случилось? Почему вы всё ещё на полу?

Хотя он прекрасно видел, что с ней творится неладное, истинную причину её состояния ему ещё только предстояло выяснить.

Раздался едва слышный вздох, и изо рта Е Мина вылетело небольшое облачко серебристого тумана. Казалось, оно должно было тут же рассеяться, но вместо этого повисло над девушкой. Е Мин слегка наклонился вперёд и подул на него. Облачко медленно поплыло по воздуху и остановилось точно над головой Чэньси.

Он мог сделать что угодно: подхватить Чэньси на руки, позвать слуг, сообщить второй госпоже… или оборвать её жизнь. Тем не менее вместо этого Е Мин лишь молча выдохнул пар. Ему вдруг стало любопытно: сможет ли она в таком состоянии поглотить ци? Происходящее было крайне необычно.

Облачко начало опускаться. Очень медленно, пока не легло на лицо Чэньси, и стало холодным. Когда она вдохнула его, оно исчезло в ней.

— Мэй-эр, позови слуг! Пусть помогут мне подняться.

Глядя на неё, Е Мин усмехнулся. Он был так чужд сочувствию, что не понимал чужих страданий.

— Мэй-эр, погоди…

Опора под ней истаяла. Пространство вокруг затуманилось. Каждый раз, когда это случалось, Чэньси казалось, будто её тело цепенеет, а душа выскальзывает наружу, или, вернее, само тело обращается в душу.

— Я передумала. Не зови никого… — неожиданно произнесла она. В голосе её прозвучала тихая грусть. — Если я вдруг усну, не беспокой этим матушку.

— Что вы такое говорите?

— Только не уходи… — прошептала Чэньси. — Не смей…

— Госпо-о-ожа? — протянул он тонким девичьим голосом, полным неприкрытой насмешки. — Вы меня слышите?

Меж тем он нарочно остался глух к её словам. Ему куда важнее было разобраться в произошедшем. Конечно, оставлять Чэньси в живых он не собирался. Но прежде чем покончить с ней, он должен был понять, как она пережила его смертельный удар. За последние три тысячи лет никто не смог укротить демоническую ци, не расплатившись за это собственной кровью. Так как же дочери Чжао удалось совершить невозможное? И почему она внезапно уснула?!

Осторожность отступила перед любопытством. Е Мин вновь приблизился к ней, хотя это и стоило ему неимоверных усилий. Он и сам до конца не понимал, что происходит, но, когда она находилась достаточно близко, ему хотелось её съесть. Проглотить целиком. Впрочем, сейчас всё это было неважно. Важен был только один вопрос, на который он не знал ответа. Чтобы найти его, он намеревался доиграть свою роль.

Поэтому первым делом Е Мин решил незаметно проверить её меридианы. Убедившись, что дух и тело пребывают в хрупком пограничье, он прикоснулся к точке на запястье.

Тут Е Мин вздрогнул.

Внутри неё царил хаос. Меридианы были закупорены неуправляемой ци, а неукротимая энергия ян яростно бушевала, нарушив всякий баланс.

«Всё равно я далёк от разгадки, — с досадой подумал он. — Как она это делает? Как ей удалось поглотить мою ци? Нет. За этим кроется нечто большее…»

Е Мин застыл, осознав, что в своих наблюдениях упускает какую-то чрезвычайно важную деталь. Приподняв голову Чэньси, он сосредоточился на поиске причины и принялся проверять все двенадцать меридианов. Надо признать, что её недуг мало его занимал; гораздо сильнее его тревожило сознание собственного поражения.

В другой жизни, где его не поглотила бы тьма гу, Е Мин, возможно, поддался бы её очарованию. Он позволил бы себе хрупкую надежду на симпатию, а может, и на любовь. Но его удел — быть чудовищем. А чудовища не способны чувствовать: они лишь разрушают.

Эта мысль ему особенно понравилась. То, что он был иным, наделяло его огромной властью над другими созданиями. Ведь тот, в ком живёт кровавый гу, не ведает жалости.

В конце концов, он, Е Мин, принадлежит к призрачному клану; ни жизнь, ни сила не свалились на него с небес. Он завоевал себе место в этом мире упорством и хитростью, вовремя распознавая опасность, проницательно разгадывая планы противников и сметая с пути всех, кто осмеливался бросить ему вызов. И точно так же он выяснит, кто эта девка, познает её способность поглощать порченую ци, а потом свернёт ей хрупкую шейку. Хотя… нет. Сначала он познает её против воли, обратив родного отца в немого свидетеля этого позора. А после… оставит умирать, даруя на прощание горькое знание, что первым и последним, кто коснулся её, был он — злобное чудовище.

Облегчение, переходящее в удовлетворение, исказило его черты под фальшивой личиной. Е Мин наклонился к самому уху Чэньси и выдохнул:

— Ты в моей власти.

Поймав себя на том, какое удовольствие ему доставляет звук собственного голоса, он с ухмылкой повторил фразу:

— Да, ты в моей власти, ничтожная девка!

Тут же, в подтверждение своих слов, до крови прокусил ей нежную мочку.

Сквозь приоткрытую створку окна доносилось далёкое пение птиц, журчание ручья и тяжёлые мужские шаги.

«Какие шумные, — рассудил Е Мин. — Похоже, тело евнуха так и не нашли».

Подумав об этом, он уже собирался опустить девушку, как вдруг его пронзило, точно молнией среди ясного неба. Что-то крошечное, трепетное, едва заметное исходило от неё.

Ветерок подхватил это невидимое и принёс прямо к нему. Е Мин закрыл глаза. Запах был до того тонок и хрупок, что поначалу ускользал… Его невозможно было поймать, невозможно запомнить или описать. Он существовал где-то на грани восприятия.

Е Мин подался вперёд и, затаив дыхание, уткнулся лицом в её волосы. Тут его окутало целиком… Он вдохнул, потом ещё раз и ещё, жадно вбирая в себя этот волшебный аромат. В этот миг всё омерзительное, с чем ему пришлось столкнуться, отступило. Он забыл даже о собственном чёрном сердце, и мир вокруг показался ему чистым и светлым. Его охватило одуряющее чувство.

Лишь немного отстранившись, он осознал, что сжимает девушку в объятиях.

Её лицо во сне было столь восхитительно, что Е Мин остолбенел. Ещё никогда прежде ему не доводилось видеть никого прекраснее. Не в силах оторвать взгляда, он прямо-таки готов был поедать глазами её лицо. Она покоилась у него на руках, неподвижная и беззащитная, отданная во власть снов. Ткань одежды лишь подчёркивала соблазнительные изгибы её бёдер.

Е Мин не мог налюбоваться ею; в груди медленно поднималась томительная, сладкая боль. У него перехватывало горло, заставляя сглатывать слюну, и внутри всё скручивало от острого, мучительного желания. Е Мину хотелось лечь с ней. На неё. В неё. Со всей своей бесконечной жаждой обладания. По вискам стекал пот. Его била предательская дрожь. Он с усилием задавливал в себе эту мысль, чувствуя, как она скребётся внутри, пытаясь вырваться. Прежде он знал, что такое похоть, но никогда она не подталкивала его так близко к безумию. Её запах. Её безмятежное лицо. Оба эти оружия были слишком совершенны…

И здесь он сдался.

Ему чуть дурно не стало от возбуждения. Е Мин понял: если Чжао Чэньси не станет его, он не найдёт себе покоя. Ему необходимо поглотить её всю — до едва уловимых оттенков, до самых потаённых глубин. Оставить на ней неизгладимый след, вплавить своё клеймо ей в душу. Однако… спешить нельзя. Нужно набраться терпения и дождаться часа, когда душа девушки сама потянется к нему в поисках тепла и защиты.

Предвкушение начало сводить Е Мина с ума. Он жаждал услышать, как Чэньси будет стонать его имя, как её тело будет отзываться на каждое его движение. Он хотел видеть в её глазах лишь обожание и покорность. Она обязана принадлежать ему без остатка, пока он не решит сломать её, раскрыв свою истинную суть. Эта мысль была так сладка, что его рука сама нашла дорогу под её платье. Кончики пальцев ощутили нежную кожу бедра и начали медленное, дразнящее восхождение к сокровенной точке, где зарождается желание.

В это мгновение Чэньси уставилась на него во все глаза.

Глава 3 Фантазма. Сон Чэньси

Сознание возвращалось к Чэньси медленно, будто нехотя. На исходе сна ей привиделось, что она ушла под воду и тонула там целую жизнь.

«Плыви», — шептал голос.

Она не умела плавать; ей оставалось лишь безвольно погружаться всё глубже, в холодную тьму.

Сян Мэй изобразила на тонком листе бумаги юную деву. Уколов палец, она окропила рисунок каплей крови, а затем опустила его в чан с тёмной водой. В памяти Чэньси всплыло, как бумага намокла: чернильные линии вместе с кровью растворились без следа.

«Я ведь не умру? Это же всего лишь сон…» — беззвучно вопрошала она, отдаваясь во власть бездны.

Сквозь толщу воды дно едва угадывалось, но Чэньси не нужно было его видеть, чтобы чувствовать, как её тело покоряется глубине. Она знала, что её ждёт там, внизу. Знала и то, что это лишь сон, а значит, погружение не может быть бесконечным. Она всегда просыпалась — за миг до того, как ступни касались каменистого дна. Таков был закон этого кошмара.

— А если на сей раз будет по-другому?

Из черноты поднималось дно морское, подобно древнему чудовищу, которое явилось за своей добычей. Здесь не было ни рыб, ни жизни, ни надежды — только тьма и призрачный голос.

Чэньси хотела закричать.

Тщетно.

— Не бойся, плыви!

«Не умею плавать», — мысль ударила по вискам. — «Не могу, не могу!»

— Разве ты пыталась? Плыви! — приказал голос.

Голос был низким, успокаивающим — таким мог бы говорить благородный муж. Однако что-то в нём настораживало. Он звучал так, будто говорящий вовсе не дышал.

Чэньси попыталась рассмотреть того, кто произнес эти слова, но в водной глади колыхался один лишь прозрачный пузырь. Тот медленно опускался, дразня и ускользая. Внутри него тускло поблескивали два серебряных колокольчика; сколько бы Чэньси ни тянулась к нему, её пальцы лишь рассекали воду.

«Не достать!»

— И не пытайся. Они прозвенят, когда придёт твоё время, — произнёс бесплотный голос, в котором слышались нотки отчаяния. — Умоляю, плыви. Ты же погибнешь!

«Нет! Я проснусь!»

Пузырьки воздуха вырвались из её рта.

— Ты умрёшь, если немедленно не поплывёшь.

Чэньси поглядела вниз. Дно было совсем близко. Ей показалось, что все её внутренности обратились в тлен.

— Плыви! — взревел голос, сотрясая само её существо.

Она отчаянно забарахталась. Руки метались из стороны в сторону, лихорадочно ища опору, всякий раз натыкаясь на пустоту. Пальцы смыкались и тут же размыкались.

Ноги дёргались в рваных, неуклюжих попытках оттолкнуться от невидимой опоры. Каждое движение давалось с трудом: вода цеплялась за неё, тянула за собой, становилось всё тяжелее. Грудь сдавливало в жгучей агонии. Она рвалась то вверх, то вбок, теряя ориентацию: Чэньси не понимала, где верх, где низ. В ушах гулко стучала кровь. Оставалось лишь слепо биться в глубокой ловушке, надеясь, что случайный рывок всё-таки вынесет её к свету.

Она перестала барахтаться и поглядела на собственные ноги.

«Помоги мне, умоляю», — пронеслось в её сознании.

— Я пытаюсь, — отозвался голос. — Скажи, ты подпустишь меня к себе?

«Да».

— Тогда погоди. Я плыву к тебе.

Мгновение спустя чьи-то руки бережно привлекли её к себе. Никогда прежде ей не доводилось видеть ничего прекраснее: кожа на его руках была гладкой и свежей, как лепестки первых цветов. Даже окружающий мрак отступал перед этой красотой. А само прикосновение оказалось настолько невесомым и ласковым, что с головы до пят её окутало убаюкивающей нежностью.

«Ты человек?» — мысленно спросила она, ощущая это странное прикосновение.

— А ты всё ещё веришь, что идёшь ко дну? — последовал встречный вопрос.

«Я знаю, что вижу сон».

— Это больше чем сон. Ты угодила в Фантазму. Не знаю деталей, но рискну предположить, что ты столкнулась с обладателем духовного осколка, — от его ласкового шёпота по её телу пробежала дрожь. — Уходи отсюда, слышишь? Найди осколок и беги…

«Я ничего не понимаю! Получается, я застряла в кошмаре?»

— Некогда вдаваться в подробности.

«О каких осколках речь? Мне, конечно, снилось всякое… да уж!»

— Я бы хотел открыть тебе правду. Но о многом разумнее промолчать, а иное и вовсе стоит предать забвению.

Он ненадолго умолк, собираясь с мыслями, после чего негромко добавил:

— Времени мало. Ты должна плыть.

Страх вынудил Чэньси опустить голову. Внизу её ждала расщелина, в глубинах которой неистовствовал водоворот. Не выдержав, она до боли зажмурилась, пытаясь скрыться от устрашающей действительности.

— Так ты себе не поможешь. Послушай, я же говорил: нужно плыть, а не бить по воде. Да, поначалу кажется трудно, но ведь у меня получается. Подними голову, — незнакомец выпустил её из объятий и показал наверх. — Смотри туда, видишь?

Где-то в вышине над ней трепетал расплывчатый свет — не ясный круг, а мутное золотистое пятно.

«Я не умею плавать, меня никто этому не учил».

— На что угодно пойдёшь, когда любишь…

Его пальцы осторожно сомкнулись на её запястье.

«Что ты делаешь?»

— Помогаю тебе.

«Я не могу плыть! Не могу!»

— Ты уже плывёшь вместе со мной.

«Мне страшно, отпусти меня».

— Чтобы ты погибла?

«Нет… я не знаю!»

— Смотри наверх!!!

Когда Чэньси взглянула наверх, её душа, прежде скованная холодом, отозвалась теплом возрождённой надежды. Луч света пронзил мрак, в котором она тонула, казалось, сама судьба протянула ей руку. Это была его рука — юноши, что вёл её сквозь тёмные воды. Он не спешил, но и не медлил, двигаясь с уверенностью человека, знающего путь.

Темнота скрывала его лицо, и всё же она доверилась ему безоговорочно. Его движения в воде казались настолько изящными, что Чэньси отчаянно захотелось обнять его, укрыть собой от всех бед. Этот юноша пробудил в ней необъяснимую нежность.

Неожиданно она осознала, что давно уже не смотрит на свет. Взгляд застыл на нём — на крепких пальцах, сомкнувшихся на её запястье. Сердце забилось тяжело, гулко, почти оглушающе.

Но тут что-то изменилось. Чэньси почувствовала это, прежде чем поняла. Она напрягла зрение и увидела, что фигура юноши тускнеет.

Он резко разжал свои пальцы.

— Пойми, до встречи с тобой я уже был мёртв, — сказал он.

Мгновение — и его очертания стали призрачными, ещё одно — и он исчез. Лишь смутный образ остался в её памяти, ускользающий, как воспоминание о сне.

«Ты — моё наваждение, прекрасный и пугающий сон», — убеждала она себя; сердце наконец замедлило свой бешеный стук.

Она вновь поглядела наверх. Свет вдруг перестал быть расплывчатым пятном. Он вытянулся и постепенно превратился из зыбкой водной ряби в твёрдую дорогу, вымощенную жёлтым камнем. Чэньси сделала шаг — наяву или лишь в мыслях — и воды послушно расступились перед ней. Тяжёлые валы взмыли ввысь, заслоняя собой горизонт.

Затем был ещё шаг, и ещё один… Пока мир не озарился такими яркими красками, что у неё заслезились глаза. В смазанных пятнах проявились кухня и силуэт Сян Мэй. Чэньси уже поверила в своё пробуждение, когда интимное, едва уловимое движение между бёдер заставило её вздрогнуть. Ей даже почудилось, что вернулся тот самый юноша и крепко прижал её к себе.

Видение померкло так же быстро, как и зародилось. Чэньси часто заморгала, прогоняя резь в глазах. Под босыми ступнями проступила каменная дорога. Это было не пробуждение! Морок сна всё ещё держал девушку в своей власти.

***

Губы хранили солёный, горький след стихии, дрожь в коленях выдавала пережитый страх, а призрак морской бездны и образ юноши отказывались растворяться в небытии. Тем не менее сон изменился до неузнаваемости. Повсюду разливался такой приятный запах, что у Чэньси кружилась голова.

Поборов головокружение, она поспешно осмотрелась. Вода исчезла, словно её никогда и не было. Вокруг бушевало сиреневое море трав; над ним горделиво возвышались деревья с лазурной листвой. В воздухе легко порхали маленькие птички с цветастым, ярким оперением. Невдалеке звенел прозрачный ручей с мелькающими серебристыми рыбками.

Пока девушка нерешительно медлила на пороге, из-за деревьев появились самые прелестные и чарующие незнакомки, каких только можно вообразить. Прекрасные девы предстали в нарядах из лёгкой паутинки. Ткань едва ли скрывала их наготу: сквозь тончайший флёр просвечивали белые груди с возбуждёнными сосками; от разгорячённых тел веяло цветочным дурманом. На щиколотках позвякивали браслеты с бубенчиками. Но настоящее чудо заключалось в их причёсках: волосы сияли, словно радуга, упавшая на землю. Алые, изумрудные, небесно-синие и снежно-белые пряди переплетались в причудливом беспорядке.

Больше всего Чэньси понравилось то, что девы были свободны: они не робели, не оглядывались на условности и пребывали в гармонии с собой.

Одна из красавиц посмотрела прямо на неё. На губах заиграла чуть заметная улыбка. Верх её тела был обнажён, а на левой груди алела бабочка, написанная киноварной кистью.

Вдали, за лазурными деревьями, виднелась целая толпа очаровательных юношей и дев; все они стояли, перешёптываясь и переглядываясь, но не решались подойти ближе.

Подойдя к Чэньси, обладательница бабочки смущённо заглянула ей в глаза. Её чёрные ресницы затрепетали; щёки слегка раскраснелись. В этот миг трое юношей дружно шагнули вперёд, бубенцы на их щиколотках отозвались мелодичным перезвоном. Чэньси невольно засмотрелась на них: под ярким солнцем их кожа сияла так, будто её припорошило золотистой пылью.

Красавица обратилась к ней:

— Владычица, вы здесь с поручением или с вами приключилось несчастье?

— Какая ещё владычица? — опешила девушка. — Вы ошиблись, моё имя — Чжао Чэньси. Хотя какая разница, я ведь сплю… правда?

— Безумие! — красавица растерянно покачала головой. — Сейчас постараюсь объяснить. Вы должны меня понять. Вы наша владычица, наша заступница! Когда-то именно вы сотворили Фантазму, чтобы феи Подгорья обрели покой — вдали от демонов и бесконечных распрей небожителей. Неужто память покинула вас? У-у-у, небеса… в чьих руках тогда наша судьба? Мы ведь все так ждали вашего возвращения!

— О нет, прекрасное создание… Ты кажешься мне сном, наваждением — совсем как тот юноша, что спас меня.

— Феи не ошибаются, — с нежной мольбой в голосе прошептала дева. — Вы ведь Лисян, предрассветная фея, третья дочь цветочного повелителя?

— Я дочь генерала Чжао Яна, верного слуги империи Тан! — отрезала Чэньси. — И как бы мне ни нравилось это место, мне необходимо проснуться!

— Сроду никаких генералов не знала! Но что бы вы там ни говорили, Фантазма — не сон, а мы — самые настоящие феи! И если уж вам так приспичило «проснуться», обратитесь к тем бесстыдникам из Запределья.

Обратив взор к небесам, фея сжала ладошку в кулачок и в праведном гневе пригрозила им:

— Ничтожные! Как вы посмели осквернить нашу владычицу?! — взвизгнула она. Глаза её запылали яростью. — Попробуйте переступить порог Фантазмы, и я сниму с вас кожу.

Повернувшись к Чэньси, она мгновенно смягчилась и произнесла с глубоким почтением:

— Не тревожьтесь, любая тварь из Запределья, посмевшая залезть в вашу голову, заплатит за это собственной шкурой.

Чэньси смущённо ответила:

— Никогда в жизни мне не снилось ничего столь безумного… Что же мне делать, как быть? — она прикрыла уши ладонями и беспокойно переступила с ноги на ногу. — Нет, невозможно… Не мог же мой разум помутиться? Неужели я схожу с ума?

— Ай-яй-яй, какая досада! — воскликнула красавица. — Впрочем, если судьба возвела стену, она наверняка оставила и дверь. Нужно только перестать биться лбом и найти в себе смелость осмотреться. Вы же сами меня этому учили, владычица. Неужели и этого не помните?

Дева подошла ближе и слегка коснулась плеча Чэньси.

— Ну-ну, не отчаивайтесь так.

— По-твоему, это не сон? — она отпрянула. — Вряд ли такое возможно.

— Посудите сами: если вы спите, стало быть, я вам снюсь. А если меня на самом деле нет, как я могу быть уверена, что есть вы? Я же всего-навсего лесная феечка. Хотя подождите… Если это сон, то я и не фея вовсе? Но если я выдумка, то и ваш драгоценный папенька, ваш дом и весь мир могут оказаться такой же выдумкой!

— Ох… с меня хватит! Вы все здесь ненастоящие.

Один из наблюдавших за ними решил вмешаться:

— Яо пытается сказать, что любой из нас может быть иллюзией. Доказать обратное мы всё равно не сможем.

— Не стесняйтесь, продолжайте дальше меня изводить. Похоже, мой разум решил надо мной поиздеваться!

— Почему вы решили, что это проделки вашего разума? — наблюдатель хрипло усмехнулся. — А если все, кого вы здесь видите, реальны?

— Нет! Не верю вам!

— Правда? И что же вы намерены делать дальше?

— Я что-нибудь придумаю…

Чэньси обернулась и замерла с открытым ртом.

— О, — с трудом выдавила она.

Перед ней стоял просто впечатляющий мужчина. Годы не портили его, напротив, спокойная зрелость превращала этот почти нечеловеческий облик в подлинное произведение искусства. Прямые волосы цвета полуночной синевы шелком падали на плечи, а кожа поражала белизной чистого нефрита. Даже небожители могли бы позавидовать его стати: рельефное, едва прикрытое одеждами тело манило совершенством.

Ах, а какой взгляд… Ну что за взгляд!

Он прожигал насквозь. В обманчивой глубине бушевала целая вселенная, способная согреть до кончиков пальцев или испепелить дотла.

Стоило ему улыбнуться, и Чэньси чуть не задохнулась. Она жадно принялась ловить ртом воздух, глядя на него. Неужели это совершенное, божественное создание — лишь плод её воображения? Прежде ей не было знакомо такое потрясение.

Собрав остатки самообладания, она отвернулась, заливаясь румянцем. Потом подняла руку и расправила два пальца перед глазами. Два пальца — она видела ясно. Никаких нарушений зрения. Чэньси принюхалась. Воздух был тяжёлым, по-летнему пряным: смесь полевых трав, сладких плодов и чужой обнажённой кожи. Никаких проблем с обонянием. Всё вокруг выглядело настоящим, не похожим на сновидение. Беда лишь в том, что фей в природе не существует. Как, впрочем, и совершенных красавцев.

Она ощупала голову. Никаких неприятных ощущений. Ни шишек, ничего. Очевидно, физически она была в полном порядке, а вот душевное состояние внушало тревогу.

Но тут ослепительный мужчина опустился перед ней на одно колено. Он картинно вскинул бровь и поглядел на неё снизу вверх — его слегка раскосые глаза были темнее ночи. И Чэньси поняла. Разумеется! Не сон, а бредовая горячка. Она даже головой тряхнула от осознания, что бредит. Неведомый недуг попросту туманит рассудок, подсовывая самые невероятные образы!

«Нужно успокоиться. Нельзя поддаваться сомнениям…» Чэньси отступила на шаг, выбирая взглядом дерево понадежнее. Разбежаться и удариться со всей силы — пожалуй, единственное, что помогло бы ей очнуться от этого безумия.

Среди диких зарослей вдали ей открылось исполинское древо. Его крона взмывала высоко вверх, силясь пронзить сам небосвод. Душа Чэньси отозвалась: её охватил священный трепет. Как же она не заметила его прежде?

— Владычица, с тех пор как вы покинули нас, ваше древо заметно разрослось. Мы берегли его, в точности исполняя вашу волю, — благоговейно молвил мужчина, по-прежнему преклоняя колено. — Кажется, вы ничего не помните… Если вы окажете мне честь и доверитесь, я, ваш покорный слуга Гунсунь Шэн, помогу вернуть утраченное!

— Да-да! Я сама поливала древо на рассвете! — вставила красавица.

Чэньси пропустила их слова мимо ушей. Она не отрываясь смотрела на «великана»; было в том величии нечто такое, отчего сердце сжималось от щемящей, благоговейной теплоты. До чего же прекрасное дерево. Идеальная преграда, чтобы со всего размаха выбить себя в реальность.

Напоследок глянув на фей, она поняла, что медлить больше нельзя. Смогли бы эти дивные создания удержать её от отчаянного поступка?

Вряд ли.

Она оцепенела, вслушиваясь в собственное дыхание, и тут же сорвалась на бег.

Позади послышался чей-то возглас:

— Постойте!

Чэньси не обернулась.

Дорога пружинила под ногами. Она неслась во всю прыть так, что ветер в ушах свистел. Мир терял очертания, крошась на мелькающие тени и рваные блики. Каждый шаг отзывался глухим ударом где-то в висках.

Впереди возвышалось древо.

***

Если бы он был прозрачен, как воздух, она бы прошла сквозь него. Затаившись среди деревьев, он стоял так тихо и неподвижно, словно сам пустил корни в землю. Девушка заметила его лишь тогда, когда он схватил её и прижал к стволу «великана».

Ладонью второй руки он запечатал ей рот и увлёк за собой в густые заросли. Сердце Чэньси упало в пропасть. Кем бы ни был этот негодяй, ростом он едва превосходил её саму, но сила в его руках была невероятной. Она уловила от него запах окислившейся крови и едкого пота. Ветки сомкнулись за их спинами, отрезая путь назад. Пока он тащил её по тропе, она заметила, что одет он был в женское платье, которое отчего-то казалось знакомым.

Чэньси резко мотнула головой, сбрасывая его ладонь.

— Да что за нелепый кошмар! Когда я уже очнусь? Исчезни!

Внутри всё клокотало от противоречий. С одной стороны, она испытывала облегчение, видя перед собой кого-то полностью одетого. С другой — собственная фантазия уже довела её до исступления. Красавец в женском наряде, серьёзно?

Чэньси отчётливо понимала, что теряет рассудок. И этот очередной каприз воображения был последним, с чем она хотела бы столкнуться.

Он отпустил её, но едва она присмотрелась, как сразу поняла: перед ней человек, с которым что-то неладно. И дело было вовсе не в запахе крови. Черты лица выдавали в нём того самого убийцу. Наряд тоже сбивал с толку, ведь на нём было платье служанки, привычное для обитательниц их поместья.

Она опешила, волосы на затылке зашевелились от страха.

— Ты… почему ты выглядишь в точности как убийца, которого разыскивают в столице?

— Ну, наверное, потому, что я тот самый убийца, — подтвердил он, с любопытством разглядывая собеседницу. — Но, как и вы, госпожа, я озадачен и тоже пытаюсь понять, где мы оказались.

Как бы то ни было, сомневаться не приходилось — её похититель, преступник Е Мин из секты Гуйцзун. Худощавое телосложение, точёные скулы, прямой размах бровей и ниспадающие чёрные волосы. Он выглядел бледным и уставшим, что только сильнее подчёркивало губы — ярко-красные, цвета киновари. Его утончённая красота могла бы соперничать с красотой самой императрицы. Поэтому стоять перед ним было особенно страшно.

— Подобное возможно? — не удержалась от вопроса Чэньси.

Ей было невдомёк, как в её затуманенный разум проник образ всеми ненавидимого убийцы. Конечно, трудно было отрицать, что он пугающе хорош собой, но это ничуть не оправдывало его злодеяний. Как она, дочь прославленного генерала, посмела вообразить рядом с собой подобное чудовище?

В ответ на её вопрос у Е Мина приподнялись брови:

— Вы тоже понятия не имеете, что это за место? — он растерянно огляделся. — Но ведь это вы утянули меня следом… тем поцелуем. Госпожа, неужели память вам изменяет?

Она отшатнулась, с ужасом глядя на него:

— Я? Поцеловала… убийцу, когда?!

Он медленно окинул Чэньси оценивающим взглядом с головы до ног, жадно разглядывая фигуру и задерживаясь на лице. Не понимая, что происходит, девушка разволновалась. Она попятилась, но споткнулась о торчащий из земли корень и навзничь рухнула, больно ударившись затылком.

Сам Е Мин даже руки не протянул — ни чтобы поддержать её, ни чтобы помочь подняться.

Однако он наконец отвёл от неё глаза, словно отпуская. Чэньси вдохнула, только теперь заметив, что всё это время задерживала дыхание.

Отвернувшись, убийца развязал чёрный пояс и бросил его под ноги. Он снова посмотрел на Чэньси с откровенной жадностью, и у неё опять перехватило дыхание.

— За… зачем ты раздеваешься?! — выкрикнула она, закрываясь руками. — Не подходи! Назад!

Это прозвучало настолько грубо, что она сама вздрогнула от собственного голоса.

Он остался глух к её словам. С плеч соскользнуло тяжёлое верхнее платье, обнажив торс. Сделав шаг навстречу ей, он ласково произнёс:

— Моя госпожа, — с лукавой ухмылкой протянул Е Мин, — пора бы нам продолжить то, на чём мы прервались тогда, уединившись на кухне.

— Тебя там даже не было! — растерянно выдохнула она. — Там была… была моя служанка…

Чэньси сорвалась с места и бросилась бежать. Задыхаясь, она продиралась сквозь заросли лазурных деревьев, не замечая ни мелких камней под ногами, ни жгучей травы, ни коряг. Рукава платья превратились в изодранные лохмотья, цепляясь за колючие ветви, оставляя кровоточащие полосы на теле. Но она будто перестала чувствовать боль. Позади раздался крик. Страх был так силён, что она не могла понять, откуда он доносится. Чэньси бежала вслепую, то и дело спотыкаясь и оступаясь. Все мысли куда-то испарились — остался только дикий, первобытный порыв: спастись, скрыться от этих фей и того чудовища — Е Мина.

«Беги же! Куда?! Вправо — нет, верная смерть! Влево! Перепрыгнуть, через этот треклятый колючий куст!»

Острая ветвь распорола ткань и оцарапала бедро, но Чэньси лишь глухо зарычала сквозь стиснутые зубы. За кустом земля резко ушла из-под ног. Не удержав равновесия, она кубарем покатилась по крутому склону.

Удар о вековой камень вышиб из груди остатки воздуха. Перед глазами на мгновение всё потухло, во рту разлился металлический привкус крови. Она сплюнула кровь и из последних сил подскочила.

«Не смей! Беги!»

Тут что-то тяжёлое ударило её между лопаток. Девушка рухнула ничком, растянувшись на земле во весь рост.

«Вставай! Не смей лежать, вставай! Тогда ползи, ползи!»

Е Мин не стал тратить время на раздумья. Он вцепился ей в голени и с силой дёрнул на себя. Чэньси яростно закрутилась, стараясь сбросить захват. Она обезумела. Рвалась, лягалась, слепо молотила руками по земле. Следующий удар пришёлся сверху, выбив из неё остатки сил. Она безвольно распласталась, задыхаясь от рвущей лёгкие боли. Грубым движением Е Мин разорвал её юбку и рывком стянул шёлковое ду-доу. Обнажив её бёдра и ягодицы, он тяжело опустился перед ней на колени. Дыхание его было хриплым, почти звериным.

— Куда вы рванули от меня?! — рявкнул он. — Вы же сами затащили меня в эту иллюзию! И в стенах поместья вы не были такой недотрогой.

Е Мин навалился на неё всем телом. Она, всё ещё задыхаясь, попыталась столкнуть его, но этим лишь помогла ему раздвинуть себе ноги. Чэньси оказалась намертво придавлена им. Когда она снова попробовала пошевелиться, он лишь сильнее навалился на неё и обеими руками вдавил её плечи в сырую почву. Она уже открыла рот, чтобы возмутиться, но выдавила лишь тихое: «Будь ты проклят…» Договорить он не позволил — его губы обожгли её шею чередой нетерпеливых поцелуев. Впрочем, Е Мин отстранился так же внезапно, как и прильнул к ней. Откинувшись назад, он с дрожью в голосе произнёс:

— Я с трудом могу себя сдерживать. Раньше мне не было дела до девок, но ваш чудесный аромат превратил меня в одержимого!

Сказав это, он отпустил её и поднялся на ноги.

— Проклятье, я ведь должен был убить вас. Вы видели меня в поместье… Вас нельзя оставлять в живых.

К этому моменту девушка уже перевела дух и медлить не стала. С истошным криком она бросилась вперёд и со всей силы впечатала колено ему в пах.

Противник согнулся пополам.

Она отскочила, но он пришёл в себя слишком быстро. Оглядевшись в поисках пути к отступлению, Чэньси с ужасом поняла: бежать некуда. За их спинами возвышалась отвесная скала. Е Мину не было нужды преследовать беглянку. На его счастье, сразу после перемещения выдалась минута изучить окрестности.

Поравнявшись с ней, он уставился на неё: зло, цепко, с плотоядным любопытством.

— Верните нас обратно, в реальный мир, — произнёс он с ледяной вежливостью. — И тогда я, возможно, подумаю, сохранить ли вам жизнь.

На его губах заиграла насмешливая улыбка.

— Или… вы всё ещё хотите стать моей? Очевидно, вы что-то ко мне почувствовали. Ещё никто не решался поцеловать меня, тем более с такой пылкостью.

— Я тебя не целовала! Ты презренный человек!

Чэньси вскинула подбородок, крепко сжав пальцы в кулак. Что бы ни говорил этот наглец, всё это ложь. Последнее, что осталось в памяти — собственная отчаянная просьба к Сян Мэй не звать слуг. А дальше… тёмная глубина вод и тот юноша.

— Ты ненастоящий. Морок, иллюзия… Стоит мне открыть глаза, и тебя не станет! — с надеждой бросила она. — Да, ты всего лишь дурной сон.

Е Мин медленно надвигался на неё. В его спокойствии сквозила угроза.

— Госпожа, вы и вправду не понимаете, где мы с вами оказались? Или только играете в неведение?

Поймав её взгляд, он властно перехватил девичий подбородок. Чэньси вцепилась в его запястье, тщетно пытаясь вырваться.

— Убери от меня руки!

Она тут же рванулась, стараясь укусить его, но безуспешно.

Е Мин повернул лицо девушки к себе и приблизился к губам.

— Я и сам не понимаю, почему меня так неудержимо тянет к вам.

Он поцеловал её. Когда убийца отстранился, она с возмущением стёрла след поцелуя тыльной стороной ладони.

— Но как бы то ни было, похоже, мы здесь застряли. Полагаю, что…

Закончить фразу он не успел. Сверху донёсся шум, у самого его уха рассек воздух какой-то предмет. Раздался глухой удар. Е Мин упал на землю. Нападение было настолько стремительным и неожиданным, что он даже не успел уклониться от атаки. Сверху его придавил безымянный незнакомец. Затем последовал ещё один мощный удар кулаком в челюсть. Ещё один. Ноги Е Мина дёрнулись и обмякли.

С трудом оправившись от потрясения, Чэньси заглянула в тёмные глаза своего спасителя. Это был он — тот самый ослепительный мужчина, чьё имя она даже не потрудилась запомнить.

— Как… как вы здесь оказались?

— Нет времени, владычица! Он вот-вот очнётся. Нужно уходить, скорее же…

Спаситель легко подхватил её на руки. У Чэньси совсем не осталось сил сопротивляться, и она бессильно прижалась к его груди, пока он торопливо пробирался сквозь высокие заросли травы.